

Чжу Цинхэ улыбнулся, когда Чжу Юйлян вышел за ворота:

— Дядя, не торопитесь уходить, у меня ещё есть кое-что сказать. Я слышал, что сверху прислали специального человека для расследования случаев нарушений и дисциплинарных проступков. Должно быть, он уже в уездном городе. Дядя, вы, наверное, уже знаете? Меня не пугает, что вы приведёте людей, чтобы лишить меня средств к существованию. В крайнем случае я обращусь к вышестоящим. Другие могут не знать ваших секретов, но я знаю всё до мелочей. Посмотрим, кто будет смеяться последним! Если у вас есть способности, то приведите свои дела в порядок, чтобы вас не схватили.

Чжу Юйлян стиснул зубы и яростно посмотрел на Чжу Цинхэ, затем разгневанный развернулся и ушёл. Он никак не ожидал, что в конечном итоге будет угрожать ребёнок.

Чжу Юйтянь последовал за ним, оглянулся и сказал:

— Брат, это всего лишь ребёнок, который, наверное, говорит громкие слова, чтобы придать себе смелости. Не слушай его. Делай, что должен. Я давно не считаю этого скота человеком, и лучше бы он поскорее сдох, чтобы не мешал.

Чжу Юйлян толкнул его и выругался:

— Чушь! Ты ничего не понимаешь. Если не разбираешься, то не болтай попусту. Те, кто приехал сверху, — даже уездные руководители должны их осторожно обслуживать. Я всего лишь маленький деревенский староста. Если я действительно попаду в неприятности, то не выберусь оттуда. Возвращайся и придумывай новый план. В эти дни держи себя в руках и не лезь со своим дурацким ртом в чужие дела. Чжу Цинхэ — это тот, кого мы выгнали. Теперь у него нет ограничений, он почти как сумасшедший. Если его действительно разозлить, то он, недогляди, и всю нашу семью разорит.

Чжу Юйтянь больше не осмелился сказать что-либо и покорно последовал за ним.

Чжу Цинхэ стоял на месте, немного задумавшись, затем продолжил готовить еду. Всё происходило так, как он и предполагал. Злости не было даже искры. Поев, он решил зайти к дяде Ло. Сейчас только дядя Ло мог понять его мысли.

Чжу Юйтянь вернулся домой. В пароварке на плите уже готовились лепёшки. Матушка Чжу сняла их с огня, налила немного масла в сковороду, бросила туда перец, лук и перец чили. Аромат разлился по кухне, когда она положила нарезанный белый нежный тофу. Лопатка переворачивала еду в сковороде, и запах блюда заставлял голодного Чжу Цинляна постоянно выглядывать из-за угла.

Матушка Чжу положила приготовленный острый тофу в миску, подняла голову и увидела, что её муж стоит у двери, не заходя внутрь:

— Разве ты не пошёл с братом по делам? Всё прошло хорошо? Еда готова, иди есть.

Затем она крикнула в зал:

— Папа, мама, идите есть!

После этого пошла за кашей.

Раны на теле Чжу Цинляна уже почти зажили, только нога ещё болела, и он хромал при

ходьбе. В школе его дразнили хромым поросёнком. Каждый раз, когда он видел Чжу Цинхэ, идущего с высоко поднятой головой и не смотрящего по сторонам, он чувствовал злость. Он сел, хромая, взял лепёшку и, откусив, нахмурился:

— Мама, разве у нас нет белой муки? Почему мы едим такую гадость?

Дедушка Чжу был настолько раздражён своими любимыми детьми, что до сих пор не мог успокоиться. Он сел, схватил лепёшку и начал есть, дрожащей рукой взяв палочки для еды.

Чжу Юйтянь сел последним, широко раскрыв глаза на Чжу Цинляна:

— Если не хочешь есть, положи и уйди в комнату. Не умрёшь с голоду, а ты ещё и привередничаешь.

Матушка Чжу поспешила спросить:

— Почему ты так сердисься на Цинляна? Что случилось? Разве дела пошли не так?

Дедушка Чжу также положил лепёшку, которую уже собирался есть, и, глядя на Чжу Юйтяня, строго сказал:

— Говори нормально, не выпячивай свой скверный характер, никто не хочет это видеть.

Чжу Юйтянь вздохнул:

— Всё из-за этого мерзавца. Брат уже договорился с тем начальником, что, как только мы получим землю, я и Да Ху сможем устроиться на завод. Я уже в таком возрасте, и, учитывая брата, мне, наверное, дадут какую-нибудь мелкую должность. Сегодня мы с братом пошли к нему, но он не согласился, начал важничать, говоря, что хочет встретиться с каким-то начальником. Ну и наглец.

Дедушка Чжу нахмурился:

— Пусть вернётся в эту семью, и ладно. Что он ещё хочет? Не ценит доброту, и ты ещё с ним говоришь? В конце концов, это наше семейное дело. Ты как отец должен показать свой авторитет, пусть те люди поговорят с тобой. Он бунтует, и пусть бунтует, но в таких важных делах ему нечего сказать. Не обращай на него внимания.

Чжу Юйтянь также был в затруднении:

— Я только что сказал брату: пусть придут и сломают. Если тот парень захочет вернуться, я его не прогоню. Если не захочет, мне всё равно. Но брат вдруг накричал на меня, по тону видно, что нельзя трогать. Не знаю, о чём он думает.

Матушка Чжу взяла палочками тофу, медленно прожевала его — нежный и вкусный — опустила глаза, выслушала их, а затем осторожно сказала:

— Недавно я разговаривала с деревенскими женщинами, и они все советовали мне: Цинхэ — это всё же наш собственный ребёнок. Если другие обижают, то ладно, но нет смысла, чтобы мы, свои, тоже его притесняли. И ещё...

Матушка Чжу подняла голову и посмотрела на дедушку Чжу, голос её стал тише:

— То, о чём говорил папа... После того как Цинхэ ушёл из дома, мы не получили никакой

удачи, наоборот, жизнь нашей семьи стала тяжелее, чем в прошлом году. Папа, есть поговорка: «В семье согласие — всему основа». Вдруг та знахарка ошиблась, и ошибку уже не исправить? Может, я поговорю с Цинхэ, чтобы мы все жили дружно, не упрямылись, а то все вокруг смеются.

Чжу Цинлян с недоверием посмотрел на мать. В его сердце поднялась паника — он почувствовал, что его положение в семье, где он всегда был любимчиком, оказалось под угрозой. Оглянувшись, он увидел, что дедушка и отец задумались. Боясь, что они согласятся, он хотел вмешаться, но мать опередила его.

Матушка Чжу в глубине души боялась мужчин семьи Чжу. Дедушка в последние годы постарел, и его характер немного смягчился, но в молодости он был известен в деревне как злодей. Бабушка все эти годы была как живой труп, ничего не делала — потому что боялась. Видя, что они молчат, она набралась смелости:

— В последнее время я немного присмотрелась и поняла, что у него есть свои идеи. Другой ребёнок, может быть, через несколько дней побежал бы обратно, умоляя папу и маму о прощении. Но вы посмотрите на него — он ни у кого не просит помощи, он трудолюбив, живёт неплохо. Я думаю, что младшая сестра права, пусть вернётся. Мы будем относиться к нему лучше, не будем смотреть на него как на врага, и он, конечно, вернётся. Брат сможет сделать то, что задумал. Юйтянь, наша жизнь станет лучше. Цинхэ, наверное, уже скопил немало денег.

Честно говоря, Чжу Юйтянь тоже немного заколебался. Сейчас семья держится на небольших деньгах, и он сам не знает, как жить дальше. Услышав от брата о такой возможности, он поспешил всё уладить — сначала поработает на шахте несколько лет, а если в будущем что-то получится, то устроит туда и Цинляна. Тогда ему не о чем будет беспокоиться.

Матушка Чжу откусила лепёшку, проглотила, затем выпила горячую кашу — она обожгла горло, но это ощущение было самым приятным. Через некоторое время она сказала:

— Правила — это одно, а люди — другое. Когда мы разделили семью при всех, это запомнилось в деревне. Если только он сам не захочет вернуться, иначе, по правилам, он живёт отдельно. Юйтянь, ты не можешь им управлять, и это несправедливо. Люди подумают, что мы так поступаем ради выгоды, и это опозорит нашу семью Чжу. Поэтому нужно уговаривать его с добром.

Чжу Цинлян слушал, разозлившись. Наклонившись над едой, он пробормотал:

— Мама, ты слишком хорошо думаешь. Если бы брат действительно заботился о тебе, то в прошлый раз не выгнал бы тебя. Ты его родная мать, даже если что-то случилось, как он мог так поступить? Это просто неуважение. Дедушка и папа, если вы пойдёте уговаривать его, будьте осторожны, чтобы он не начал командовать вами.